

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

КАНДИДАТ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАУК
С. Д. ЛАППО

**ПЛАВАНИЯ
ВАСИЛИЯ МИХАЙЛОВИЧА
ГОЛОВНИНА**

Стенограмма публичной лекции,
прочитанной в Центральном лекто-
рии Общества в Москве

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

МОСКВА

1950 г.

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

Кандидат географических наук
С. Д. ЛАППО

ПЛАВАНИЯ
ВАСИЛИЯ МИХАЙЛОВИЧА
ГОЛОВНИНА

Стенограмма публичной лекции,
прочитанной в Центральном
лектории Общества в Москве

В. М. Головин.

Имя Василия Михайловича Головнина, выдающегося мореплавателя, теоретика морского дела, талантливого исследователя, образованнейшего офицера, человека передовых для своего времени взглядов, занимает почётное место как в истории русского военного флота, так и в истории русской географической науки.

В. М. Головнин являлся представителем славной плеяды русских военных моряков, ознаменовавших первую половину XIX столетия рядом замечательных кругосветных плаваний, в результате которых наука о Земле обогатилась множеством важных открытий.

Плавания В. М. Головнина, заслуженно доставившие ему славу отважного моряка и пытливого учёного-новатора, исследователя, замечательны не только обилием интересных событий и приключений, но главным образом своими блестящими научными и практическими результатами.

Труды В. М. Головнина, одного из первых исследователей Мирового океана, к тому же обладателя незаурядного литературного таланта, вошли в сокровищницу мировой географической литературы. Знаменитый русский адмирал и учёный С. О. Макаров называл труды В. М. Головнина классическими. И это действительно так: выдержки из них можно найти в навигационных руководствах (лоциях) различных стран мира и до сего времени. Описания плаваний В. М. Головнина, написанные им самим, отличаются исключительной живостью, остротой и занимательностью изложения. Они составляли любимейшее чтение нескольких поколений людей и, несмотря на более чем столетнюю давность, не утратили интереса и для современного читателя.

К числу этих сочинений относятся: «Путешествие шлюпа «Диана» из Кронштадта в Камчатку, совершённое под начальством флота лейтенанта Головнина, в 1807, 1808 и 1809 гг.», «Сокращённые записки флота капитан-лейтенанта Головнина о плавании его на шлюпе «Диана», для описи Курильских островов, в 1811 году», «Замечания В. М. Головнина о Камчатке и Русской Америке в 1809, 1810 и 1811 гг.», «Записки флота капитана 2-го ранга Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 гг. с приобщением замечаний его о Японском государстве и народе», «Путешествие вокруг света, совершённое на военном шлюпе «Камчатка» в 1817, 1818 и

1819 г.», «Записка о состоянии Российско-Американской компании в 1818 г.» и другие.

В своих трудах В. М. Головнин дал описание таких малоизвестных для науки того времени земель и государств, как Калифорния, Гавайские, Марианские и Филиппинские острова, мыс Доброй Надежды, остров Тана (Ново-Гебридские острова), остров святой Елены, остров Вознесения, Азорские острова, Бразилия, Перу, Япония. Кроме того он сообщил много ценных сведений о малоизученных русских владениях на севере Тихого океана — Камчатке, Курильских и Алеутских островах — и северо-западном побережье Америки.

Помимо описаний своих плаваний Головнин перевёл с английского и прокомментировал «Историю кораблекрушений» Дункена, написал аналогичный труд о «примечательных» (поучительных) кораблекрушениях в русском флоте. Это сочинение являлось обобщением богатого мореходного опыта, которым обладали русские мореплаватели. Им кроме того составлено ценное пособие по гидрографии «Искусство описывать приморские берега и моря с изъяснением употребления всех новейших способов и инструментов» и трактат о тактике военных флотов.

Сочинения В. М. Головнина свидетельствуют о большой эрудиции автора в различных областях и снискали ему мировую известность. Впоследствии В. М. Головнин был избран членом-корреспондентом Российской академии наук и состоял почётным членом ряда научных обществ.

Особенный интерес представляют записки В. М. Головнина в той части, где он описывает племена, населяющие острова Океании и северо-запада Америки. Они характеризуют его как высокодостойного представителя русской передовой культуры, носителя её прогрессивных, намного опережающих свой век идей. Недаром русский поэт-декабрист В. К. Кюхельбекер назвал В. М. Головнина «преобразователем Сандвичевых островов», противопоставляя его гуманность жестокости западноевропейских и американских колонизаторов. Облик Головнина-гуманиста замечательно проявляется в его следующих словах:

«Обширный ум и необыкновенные дарования, — писал он, — достаются в удел всем смертным, где бы они ни родились, и если бы возможно было несколько сот детей из разных частей земного шара собрать вместе и воспитывать по нашим правилам, то, может быть, из числа их с курчавыми волосами и чёрными лицами более вышло бы великих людей, нежели из родившихся от европейцев. Между островитянами, без сомнения, есть люди, одарённые проницательным умом и необыкновенною твёрдостью духа...»

Как непохоже такое отношение русского моряка к чернокожим на высокомерие, жестокость иностранных «цивилизаторов», видевших в малых племенах низших существ и расправлявшихся с ними силой оружия!

Один из современников В. М. Головнина, помощник Крузенштерна в кругосветном плавании, старший офицер шлюпа «Надежда» М. И. Ратманов, ярко описывает методы обращения с чернокожими столь «высокопросвещённого» мореплавателя, как Джеймс Кук.

«Ежели рассмотреть, — писал Ратманов, — всё то, что Кук сделал для рода человеческого, — ужаснуться должно. Он при открытии разных народов Южного океана стрелял, резал уши тем, которые его почти богом почитали и ни в чём ему не сопротивлялись».

Кстати, в наши дни отношение к малым народам заокеанских реакционеров, апологетов теории превосходства англо-саксонской расы, немногим отличается от действий Кука и других западноевропейских и американских мореплавателей, захватчиков чужих земель.

Образ В. М. Головнина, патриота своей родины, не будет полным, если умолчать о нём как о человеке, близком к движению декабристов, строгом, но справедливом обвинителе бюрократических «порядков» романовской России. В «Записках декабриста» Д. И. Завалишина имеются следующие слова: «...Именно Головнин предлагал пожертвовать собой, чтобы потопить или взорвать на воздух государя и его свиту при посещении какого-нибудь корабля». Этому можно верить, зная записки Головнина «О состоянии Российского флота в 1824 г.», изданные спустя много лет после смерти автора под псевдонимом «Мичман Мореходов».

Эти записки — яркий памфлет на русское «высшее общество», на бездарного и самовлюблённого царя Александра I и его приближённых. В клокочущих гневом словах Головнин бичует царскую бюрократию, тупость и низкопоклонство, жадность и стяжательство чиновных казнокрадов и воров. Головнин, русский моряк, всем сердцем желавший блага своей родине, с негодованием описывает состояние русского военного флота:

«Если бы в Кронштадт явился император, подобный Петру Первому, что увидел бы он там? Сначала представились бы взорам его корабли, подобные распутным девкам (сравнение необыкновенное и странное, но справедливое), как сии последние набелены, наряжены и украшены снаружи, но согнивая внутри от греха и болезни, испускают зловонное дыхание, так и корабли наши, поставленные в строй и обманчиво снаружи выкрашенные, внутри повсюду вмещают лужи дождевой воды, груды грязи, толстые слои плесени и заразительный воздух, весь трюм их наполняющий...».

Да иначе и не могло быть в ту глухую пору аракчеевщины и правления флотом морского министра маркиза де Траверсе, французского авантюриста, и затем сменившего его другого проходимца и казнокрада, немца фон Моллера. Флот приходил в упадок, а царь, этот, по выражению Пушкина, «нечаянно пригретый славой, властитель слабый и лукавый», знал о всех безо-

бразиях, творившихся на флоте, и оставлял их без последствий, считая, что России — «континентальной стране» — флот не нужен.

«Дерзновенно было бы с моей стороны в деле политическом возражать людям, политикою занимающимся по должности, людям, украшенным пудрою и шитыми кафтанами. Но как известно, что не всяк тот герой, кто носит шпоры и мундир; не всяк тот тонкий дипломат, кто почтен званием посла, и не на всех тронах сидят Соломоны...» — писал В. И. Головнин, прозрачно намекая на бездарность царя.

Головнин прямо обвинял царя и его приближённых в «пристрастии к иностранцам, которые имеют преимущества перед русскими, несмотря на то, что многие из них известны правительству как люди развратные, заведомо гнусного поведения, пьяные, ни к чему негодные...».

В памфлете «О состоянии Российского флота в 1824 г.» Головнин выражал сокровенные мысли лучшей, передовой части русского общества.

Наконец, следует сказать о В. М. Головнине как о воспитателе военных моряков, создателе «головнинской» школы, из которой вышли такие замечательные русские моряки-исследователи, общественные и государственные деятели, как Ф. Литке, Ф. Врангель, Ф. Матюшкин, П. Рикорд и другие. Головнин всегда умело сочетал в себе отеческую заботу к подчинённым с высокой требовательностью. Трудолюбивый, энергичный, настойчивый сам, Головнин столь же упорно воспитывал эти качества в своих подчинённых. Он охотно передавал свои обширные знания офицерам, систематически проводил учения с матросами, лично присутствовал при всех трудных и серьёзных работах. Занимая одно время должность помощника директора Морского корпуса, Головнин многое сделал для улучшения качества преподавания, всей системы воспитания в корпусе, для выращивания молодых моряков отечественного флота.

Вкратце о биографии Василия Михайловича Головнина. Он родился в селе Гулынки, Пронского уезда, Рязанской губернии, 8 (19) апреля 1776 г. в небогатой дворянской семье. Его дед и отец служили в Преображенском, основанном Петром I, гвардейском полку, в который на шестом году от роду был записан, по тогдашнему обычаю, и Василий Михайлович в чине сержанта. В девятилетнем возрасте Головнин лишился родителей. В 1788 г. он был определён в Морской корпус (Высшее военноморское ордена Ленина Краснознамённое училище имени Фрунзе). Это учебное заведение является одним из первых учебных заведений России, учреждённых Петром I, и его справедливо называют колыбелью русского флота.

«За успехи в науках и благонравное поведение» Головнин в 1790 г. был произведён в гардемарины, зачислен на линейный корабль «Не тронь меня». На этом корабле, входившем в состав

русской эскадры вице-адмирала Круза, четырнадцатилетний юноша принимал участие в войне со шведами. За храбрость, проявленную в морских сражениях у острова Сескар, Головнин был награждён медалью. В 1792 г. он окончил Морской корпус, но был оставлен в нём «по малолетству» ещё на год. Это время юноша использовал для изучения словесности, истории и физики и главным образом истории мореплавания.

Получив в 1793 г. первый офицерский чин мичмана, В. М. Головнин в течение нескольких кампаний плавал в Балтике, ходил в Англию, Норвегию. В 1798 г. он был назначен флаг-офицером и переводчиком при командующем эскадрой вице-адмирале М. К. Макарове, принимал участие в войне с Францией (1798—1800 гг.). За отличие в десантных операциях русской и английской эскадр, блокировавших побережье Голландии, союзницы Франции в той войне, В. М. Головнин был произведён в лейтенанты.

В 1801 г. его в числе нескольких других молодых офицеров направили в Англию для «совершенствования в мореходных науках». По возвращении в Россию в 1806 г. Головнин представил морскому министру записку о состоянии английского и русского флотов и разработал свод «военных морских сигналов для дневного и ночного времени». Этим сводом русский флот пользовался в течение почти четверти века.

В 1807 г. В. М. Головнин в качестве командира шлюпа «Диана» отправился в «дальний вояж» — из Кронштадта к северным берегам Тихого океана — второе после Крузенштерна и Лисянского кругосветное плавание, совершённое русскими моряками. В Петербург Головнин возвратился лишь через семь лет.

Вскоре по возвращении он был произведён в капитаны 2-го ранга, а в 1816 г. избран в почётные члены Государственного Адмиралтейского департамента.

В 1817—1819 гг. В. М. Головнин совершил своё второе кругосветное плавание на шлюпе «Камчатка». По возвращении он занимался обработкой наблюдений и составлением описаний своих путешествий, доставивших ему широкую известность. В своих докладных записках на имя морского министра Головнин поднял вопрос о необходимости улучшения положения населения на Камчатке и в Русской Америке, разоблачая неблагоприятные действия управителей Российско-Американской компании.

В 1821 г. В. М. Головнин, уже в чине капитан-командора, был назначен помощником директора Морского корпуса, а в 1823 г. — генерал-интендантом флота. В его подчинении находились кораблестроительный, комиссариатский и артиллерийский департаменты, все верфи и портовые сооружения от Риги до Камчатки. Позже к его обязанностям прибавились ещё заботы о заготовке корабельного леса, вооружении кораблей. Головнин отдавал всего себя любимому делу, продолжая неустанно трудиться на пользу отечеству и родному флоту. Ему принадлежит

честь восстановления Балтийского флота, пострадавшего от наводнения 1824 г., и постройки первых русских пароходов. Под управлением Головнина было сооружено 26 линейных кораблей, 21 фрегат, 21 бриг, 2 шлюпа и множество мелких судов.

Умер В. М. Головнин в чине вице-адмирала 30 июня (12 июля) 1831 г. на даче в Петергофе от холеры.

Такова жизнь этого замечательного русского человека, пламенного патриота своей родины, талантливого мореплавателя, одарённого учёного и литератора, выдающегося государственного деятеля.

В настоящей лекции мы рассмотрим лишь кругосветные плавания В. М. Головнина на «Диане» и «Камчатке», прославившиеся многими интересными приключениями, плавания, в которых формировался его исследовательский талант, оттачивалось его мореходное искусство.

Плавание на шлюпе «Диана» в 1807—1809 годах

В 1806 г., после успешного возвращения из кругосветного плавания кораблей И. Крузенштерна и Ю. Лисянского «Надежда» и «Нева», Российско-Американская компания, которой принадлежали эти корабли, решила вторично послать «Неву» на Тихий океан в Русскую Америку. Её должен был сопровождать для охраны военный корабль — шлюп «Диана». Но строительство шлюпа задержалось. «Нева» тем временем получила другое назначение, поэтому было принято решение отправить «в дальний вояж» одну «Диану».

Помимо главной цели — «открытия неизвестных и опись мало известных земель, лежащих на Восточном океане и сопредельных Российским владениям в восточном крае Азии, и на северо-западном берегу Америки», — Адмиралтейств-коллегия решила использовать шлюп для доставки в Охотский порт «разных морских снарядов»: якорей, пушек, ядер, пороха, канатов, такелажа и прочего груза, обычно доставлявшегося туда сухим путём. Так как подходящих кораблей с трюмами для груза в военном флоте не было, пришлось оборудовать шлюп из судна, построенного для перевозки леса. Эта работа была поручена известным русским корабельным мастерам того времени — Мелихову и Курепанову. Они прекрасно справились со своей задачей, укрепив сосновый корпус судна, оборудовав помещения и оснастив парусами для дальнего плавания. Так родился шлюп «Диана».

Шлюп имел длину около 30 м, ширину — 8 м и осадку — около 4 м при водоизмещении в 300 т. Вооружение его состояло из 27 пушек разного калибра.

Для осуществления кругосветного плавания на «Диане» и выполнения поставленных перед экспедицией задач прежде всего требовался образованный, опытный и мужественный командир. Выбор пал на лейтенанта В. М. Головнина; помощником был назначен старый друг Головнина лейтенант П. Рикорд. Остальной

командный состав представляли мичманы Ф. Мур и И. Рудаков, штурманский помощник А. Хлебников и гардемарины В. Якушкин и Н. Филатов. Всего экипаж «Дианы» насчитывал 60 человек.

Из Кронштадта «Диана» должна была идти в Петропавловск-на-Камчатке вокруг Африки или Южной Америки: выбор представлялся командиру в зависимости от времени года и условий плавания.

В. М. Головнин прекрасно учитывал трудности похода. Он внимательно следил за оборудованием шлюпа, в то же время, зная опыт корабельных мастеров, старался не вмешиваться в их дела. Замеченные недостатки в парусном оснащении шлюпа В. М. Головнин решил исправить после испытания его в море.

Кругосветные плавания на парусных судах обычно занимали не менее 2—3 лет. По нескольку месяцев корабли находились среди водной стихии вдали от берегов. Люди страдали от сырости, холода или жары, от недостатка пресной воды и свежих продуктов, питаясь солониной и сухарями. Особенно тяжело доставалось матросам, которым приходилось при всякой погоде, рискуя жизнью, взбираться по вантам на мачты и реи, чтобы убирать или ставить паруса. Заботу о матросах не только в интересах успешного завершения плавания, но из чисто гуманных взглядов В. М. Головнин считал своей святой обязанностью. Предвидя тяжёлые условия плавания, он разработал судовой распорядок, которого впоследствии на протяжении всего плавания строго придерживался. В целях сохранения здоровья матросов распорядком предусматривалась регулярная просушка постелей, смена белья, частое проветривание и содержание в чистоте помещений. Матросам запрещалось спать в мокрой одежде, выходить на палубу без верхнего платья. Используя опыт плавания Крузенштерна, В. М. Головнин отказался от стандартного судового продовольственного пайка, впоследствии устанавливая таковой в зависимости от условий плавания.

«Усовершенствование мореплавания и науки вообще — составляет всю цель оной (экспедиции.— С. Л.)», — так определялась Адмиралтейским департаментом цель плавания «Дианы». В связи с этим В. М. Головнин подбирал атласы и карты предстоящего ему пути и района работы. Не ограничиваясь изданными скудными материалами, он, с разрешения Крузенштерна, взял его записки по описанию кругосветного плавания, которые ещё находились в печати. В. М. Головнин заботился также о снабжении шлюпа навигационными и астрономическими приборами, приборами для гидрологических и метеорологических наблюдений, для производства промеров морских глубин и съёмки берегов. Для записи наблюдений В. М. Головнин разработал специальный вахтенный журнал. По существу это был журнал, подобный тем, которые и поныне применяются в научных экспедициях.

Наконец, все расчёты с берегом были покончены, и «Диана» 25 июля (6 августа) 1807 г. вышла из Кронштадта в «дальний вояж».

«Путешествие сие, — с гордостью отметил в своих записках В. М. Головнин, — было необыкновенное в истории российского мореплавания, как по предмету своему, так и по чрезвычайно дальнему плаванию; оно было первое в императорском флоте, и если смею сказать, то по моему мнению и первое с самого начала Русского мореплавания. Правда, что два судна Американской компании («Надежда» и «Нева» Российско-Американской компании. — С. Л.) совершили благополучно путешествие кругом света прежде «Дианы», управлялись они офицерами и нижними чинами русской морской службы; но сии суда были куплены в Англии, в построении же «Дианы» рука иностранца не участвовала; а потому, говоря прямо, «Диана» есть первое настоящее Русское судно, совершившее такое многотрудное и дальнее плавание».

Плавание из Кронштадта до Портсмута (Англия) продолжалось шесть недель. Причиной столь медленного продвижения были встречные ветры. Кроме того «Диана» вынуждена была задержаться близ Копенгагена (Дания), который в это время осаждался английским флотом. В пути В. М. Головнин изучал мореходные качества «Дианы» и её оснастку. Полные объёмы корпуса способствовали тому, что на волнах она плавно качалась, хотя скорость хода была небольшой: не превышала 8 узлов, т. е. 8 миль в час (14,8 км). Недостатком шлюпа являлся большой подзор кормы, удары волн в которую могли повредить корпус. С этим обстоятельством приходилось считаться при лавировании под парусами в штормовую погоду. Полупортики нижней палубы низко располагались над водой, и их пришлось крепко заделать, чтобы волны не проникали в корпус.

В Портсмуте «Диана» задержалась. Причиной этому послужило обострение дипломатических отношений между Россией и Англией. По Тильзитскому миру, Россия обязалась вступить в континентальную блокаду, которая, по замыслам Наполеона, должна была окончательно задушить Англию. И хотя к моменту прибытия «Дианы» в Портсмут разрыва отношений ещё не было, но об этом уже писалось в газетах. Дабы обезопасить себя на случай войны, Головнин добился через русского посла в Англии специального паспорта, «который, — писал командир «Дианы», — обыкновенно дают воюющие державы неприятельским судам, отправляемым, подобно нам, для открытий».

1 (13) ноября 1807 г. «Диана» покинула Портсмут. Курс вёл на юг, мимо Канарских островов и островов Зелёного мыса, к восточному берегу Южной Америки. В Атлантическом океане «Диану» захватили штормы, обычные в это время года в северных широтах. По мере продвижения на юг холодная погода сменялась тропической жарой с ливнями и штилями. 20 декабря

(1 января 1808 г.) «Диана» пересекла экватор, а 9(21) января бросила якорь в гавани острова св. Екатерины у берегов Бразилии.

Стоянка в гавани св. Екатерины заняла десять суток: запасы продовольствием, водой, производили исправления в такелаже. Несмотря на столь короткий срок, В. М. Головин собрал довольно обстоятельные сведения о гавани, изложил их в разделах своих заметок: «Местное положение, гидрография и укрепление гавани»; «Выгоды и невыгоды, какие гавань Св. Екатерины представляет заходящим в неё судам», «Примечания о покупке съестных припасов, о деньгах, мерах и проч.». Описания В. М. Головина, несмотря на их краткость, были ценным руководством для мореплавателей того времени.

19(31) января 1808 г. «Диана» снялась с якоря и направилась на юг. В. М. Головин предполагал обогнуть мыс Горн и кратчайшим путём выйти в Тихий океан, но осуществить это ему не удалось. В южных широтах наступала осень. За мысом Горн шлюп попал в полосу штормов, с дождём, снегом и градом, против которых он был бессилён бороться. Паруса то и дело приходилось убирать и ставить вновь. Продвижения вперёд не было. В борьбе со стихией силы команды истощались, подходили к концу запасы свежих продуктов, у матросов появились первые признаки цынги. «Я, — описывает В. М. Головин этот трудный этап плавания, — принял намерение не полагаться на подверженную сомнению удачу и, не теряя напрасно времени у мыса Горна, спуститься к мысу Доброй Надежды, стараясь достигнуть Камчатки, хотя дальнейшим, но зато вернейшим путём». 29 февраля (12 марта) на $56^{\circ}40'$ ю. ш. и 78° з. д. шлюп переменял курс и направился к южной оконечности Африки.

Курс лежал мимо острова Тристан да Кунья, возвышенности которого русские моряки наблюдали на фоне бушующего моря и облаков. Наконец, после почти двухмесячного тяжёлого плавания, на рассвете 18(30) апреля открылся мыс Доброй Надежды. В. М. Головин направился в Симанский залив, чтобы дать отдых команде и пополнить запасы. 21 апреля (3 мая) «Диана» вошла в залив. К этому времени уже вполне определился разрыв в отношениях между Россией и Англией, и «Диана» была задержана находившейся здесь английской эскадрой как военный приз. Не помог Головину и лондонский паспорт на право свободного посещения английских гаваней.

Официальных оснований для пленения «Дианы» не было. В. М. Головин не мог смириться с задержкой шлюпа и принимал все меры, чтобы продолжать плавание. Настойчивый и смелый, он готов был бороться со всеми препятствиями. В переговорах с английским командованием В. М. Головин держал себя с достоинством, не позволяя дискредитировать честь флага своего корабля. Он отказался показать предписание, полученное в Петербурге, отказался спустить русский военный флаг и добился

разрешения готовиться к дальнейшему плаванию по получению согласия из Лондона.

«Диана» была поставлена в глубь бухты у берега и охранялась английским флотом. Жизнь на «Диане» шла, как обычно на военных русских судах. Производились судовые работы: уборка и ремонт палубы, починка такелажа, шлюпочные учения и т. п. Во время учений В. М. Головнин выходил из гавани и изучал навигационные условия: фарватер, течения, режим ветра и т. д. На берегу он оборудовал астрономическую обсерваторию, в которой проводил опыты, наблюдения, исследовал приборы и проверял хронометры. Дело в обсерватории было поставлено настолько солидно, что её услугами пользовались англичане для проверки хронометров на своих судах.

Несмотря на внешнее благожелательное отношение, английское командование не доверяло командиру «Дианы». Командующий английской эскадрой вице-адмирал Барти предложил Головнину дать подписку в том, что «Диана» не покинет гавани без разрешения. Пришлось дать такую расписку, так как в противном случае англичане угрожали свезти команду на берег, а на шлюп поставить караул.

Время шло, разрешения на продолжение плавания «Дианы» из Лондона всё не было. Средства на содержание команды иссякли; продавать имевшиеся на «Диане» грузы англичане не разрешали. На просьбу В. М. Головнина дать средства на содержание шлюпа адмирал Барти предложил направить команду «Дианы» работать в доках по ремонту английских военных судов. Это оскорбительное и незаконное предложение В. М. Головнин отказался принять. После этого он счёл себя в праве нарушить выданную подписку и бежать из плена, воспользовавшись штормовой погодой. Не говоря уже о риске ухода из-под надзора окружавших шлюп английских кораблей, побег был рискованным и потому, что запасы свежей провизии и сухарей на «Диане» кончились. Но другого выхода не было, и В. М. Головнин решился на риск. И вот вечером 16(28) мая 1809 г. подул благоприятный крепкий северо-западный ветер. Русские моряки обрубали канаты (пожертвовав якорями) и подняли треугольные штормовые паруса. В. М. Головнин направил шлюп к выходу из Симанского залива. Налетевший шквал с дождём подгонял корабль. Манёвр был столь неожиданный, что англичане не успели принять каких-либо мер для задержки шлюпа. Через два часа, в 10 часов вечера, «Диана» уже шла под всеми парусами в открытом океане.

Время пребывания «Дианы» в Симанском заливе не пропало даром. В. М. Головнин использовал его для изучения мыса Доброй Надежды и города Кептауна (Капштадт), населённого голландцами — основателями колонии. Свои наблюдения он изложил в отдельной главе записок под заглавием «Нынешнее состояние колонии мыса Доброй Надежды, описание вод, его окружающих, и метеорологических замечания», в которой осветил широкий круг

вопросов по физической и экономической географии. Описание и выводы, которые сделал Головнин, подкреплены фактами и цифрами.

Покинув мыс Доброй Надежды, «Диана» плыла с попутными ветрами на восток. Чтобы избежать погони, В. М. Головнин избрал путь «сороковыми рычащими широтами», где постоянно свирепствуют ветры.

Много мужества требовалось от русских моряков в этом опасном многодневном плавании Индийским океаном в условиях непрестанных штормов и шквалов. Неоднократно громадные волны, вздымаясь над палубой маленькой «Дианы», грозили раздавить шлюп, но проходило несколько секунд, и корабль, управляемый твёрдой рукой Головнина и его помощников, уходил от опасности. Во время грозových бурь электризация атмосферы была настолько сильна, что металлические кольца на клотиках мачт светились «огнями святого Эльма». Путь от мыса Доброй Надежды до меридиана Вандименовой земли (о. Тасмания) протяжением 5910 миль (10 тыс. км) занял 51 сутки.

8(20) июля 1809 г. «Диана» обогнула о. Тасманию с юга и взяла курс на север, к Ново-Гебридскому острову, а ещё через 18 суток, 26 июля (7 августа), бросила якорь в бухте Резолюшен, на острове Тана. Тихая бухта, красочная природа острова, отличная погода позволили экипажу хорошо отдохнуть после трудного, полного лишений и опасностей плавания.

«Диана» была первым кораблём европейцев, посетившим остров Тана через 35 лет после Кука. Натуралист Форстер, сопровождавший Кука в плавании, характеризовал жителей Тана как диких и кровожадных людоедов. Головнин опроверг это. Островитяне, видя, что русские моряки, не в пример англичанам, не делают им зла, отвечали гостям радушием, доброжелательством, они не мешали Головнину совершать экскурсии по острову, знакомиться с природой, их бытом. В обмен на ткани, пуговицы и т. п. островитяне привозили морякам кокосовые орехи, плоды хлебного дерева, сахарный тростник и другие продукты. И искренно сожалели, когда наступил час расставания.

Через пять дней «Диана» отправилась дальше, на север. Путь лежал по неизведанным просторам Тихого океана к берегам Камчатки. Морякам выпадали тяжёлые вахты. Но никакие трудности не могли сломить мужества русских моряков.

13(25) августа «Диана» пересекла экватор. Спустя ещё сорок суток, 23 сентября (5 октября) 1809 г., показались горы Камчатки. Больше двух лет не видели русские моряки родной земли. Нужно ли говорить, какую радость доставил им вид суровых берегов восточной окраины родины! Вот как описывает В. М. Головнин события этого знаменательного дня: «В 12 часу перед полуднем, ко всеобщей нашей радости, увидели мы камчатский берег! берег, принадлежащий нашему отечеству! И хотя он от С.-Петербурга отдалён на 13 000 вёрст, но со всем тем состав-

ляет часть России; а по долговременному нашему отсутствию из оной, мы и Камчатку считали своим отечеством, единственно потому, что в ней есть русские, и что управляется она общими нам законами...».

Через два дня, пользуясь благоприятным ветром, «Диана» вошла в Авачинский залив и отдала якорь в Петропавловской гавани.

Плавание «Дианы» из Кронштадта в Петропавловск-на-Камчатке через три океана окончилось. В. М. Головнин и его спутники вписали славную страницу в книгу русской морской истории.

Плавание на шлюпе «Диана» в 1811 году и японский плен

В Петропавловской гавани «Диана» осталась на зимовку. В те годы Петропавловск представлял собой небольшое селение, в котором было всего около полусотни деревянных домиков. Команда «Дианы» разместилась на берегу в казарме, а офицеры — в доме, где обычно при приезде останавливался начальник области. В. М. Головнин позаботился, чтобы экипаж был в достатке обеспечен свежим хлебом, рыбой, которая водилась здесь в изобилии, чтобы люди могли как следует отдохнуть после тяжёлого плавания.

В начале 1810 г. В. М. Головнин предпринял санную поездку по маршруту: Петропавловск — Верхнекамчатск — Ключевское — Нижнекамчатск — Тигиль — Большеерецк — Петропавловск. Это дало ему возможность лично познакомиться с жизнью камчадалов, с природой и экономикой края. Впоследствии свои впечатления и наблюдения Головнин изложил в труде о Камчатке и Русской Америке.

С открытием навигации «Диана» направилась к берегам Америки, чтобы доставить русской колонии продовольствие. Плавание до острова Ситха, на котором находился административный центр Российско-Американской компании — крепость Ново-Архангельск, — прошло благополучно.

По просьбе главного правителя колонии А. А. Баранова, Головнин пробыл некоторое время в Ново-Архангельске, неся сторожевую службу. В этом была необходимость. К берегам Русской Америки приходили суда американских контрабандистов, которые не только забирали пушнину у местного населения, но и восстанавливали его против русских.

На зимовку «Диана» возвратилась в Петропавловск. Здесь В. М. Головнин получил предписание морского министра произвести опись Курильских островов. В предписании указывалось, что подробную инструкцию Головнин получит в Охотске. Дабы не терять на путь из Петропавловска в Охотск лучшее время для гидрографических работ, командир «Дианы» сам разработал план

описи Курильских островов. План состоял в том, чтобы от Камчатки идти к проливу Надежда, что между островами Матуа и Расшуа, и оттуда уже плыть с описью вдоль южной гряды Курильских островов до самого Матсмая. После описи северного берега острова Матсмая Головнин намеревался проследовать вдоль восточного побережья Сахалина к Татарскому берегу и кончить лето описью Шантарских островов.

Не ожидая вскрытия Петропавловской гавани, моряки прорубили лёд и 25 апреля (7 мая) 1811 г. вывели шлюп в Авачинский залив. 4(16) мая «Диана» направилась к Курильским островам.

Скалистые берега, большие глубины, сильные течения, неустойчивая погода и туманы затрудняли производство морской съёмки островов. Морякам всё время приходилось лавировать вблизи неизвестных берегов с риском наскочить на подводные скалы. Работа требовала огромного напряжения сил, внимательности и осторожности.

Не ограничиваясь наблюдениями с борта «Дианы», В. М. Головнин посылал на берег кого-нибудь из офицеров или штурманов для знакомства с природой островов, их населением. Моряки при этом оставляли на берегу медные дощечки, на которых указывались дата посещения острова, название корабля и имя командира. На случай гибели «Дианы» по этим дощечкам можно было бы проследить её путь. По возвращении с берега офицеры представляли письменное донесение о своих наблюдениях. Эти донесения Головнин помещал в отчётах и описаниях плавания.

Опись южной части Курильских островов продолжалась почти два месяца. Запасы пресной воды и топлива на «Диане» приходили к концу. Для пополнения их В. М. Головнин решил воспользоваться небольшой бухтой в южной части острова Кунашир (Кунасири), где находилась японская крепость. Японцы недружелюбно отнеслись к появлению «Дианы». При подходе к острову «Диана» была обстреляна из крепости. Головнин всё же вступил в переговоры с японцами и сообщил им о мирных целях плавания. Для получения разрешения пополнить запасы воды, дров и продовольствия его пригласили к начальнику острова.

Не подозревая коварства японцев, Головнин 11(23) июля 1811 г. отправился на берег без огнестрельного оружия, имея при себе только полагавшуюся по форме саблю. Его сопровождали штурман Хлебников, мичман Мур, курилец Алексей и четыре матроса — Шкаев, Васильев, Симонов и Макаров.

Оставив на берегу около шлюпки одного матроса, с остальными Головнин направился в крепость; матросы несли предназначенные для японцев подарки — сукно и хрустальную чашу, а также стулья. В крепости находилось несколько сот вооружённых солдат и курильцев. Начальник принял Головнина в палатке, сидя на стуле в парадной форме; советники и охрана сидели на полу на циновках. Японец задавал различные вопросы, не от-

носящиеся к делу, не обнаруживая намерения удовлетворить просьбы русских о снабжении «Дианы». На прямой вопрос Головнина, когда же будут доставлены обещанные припасы, японец, потеряв напыщенную вежливость, заявил, что без разрешения матсмайского губернатора он этого сделать не может, пока же один из русских офицеров должен остаться в крепости заложником. На это В. М. Головнин ответил резким отказом. Японец стал угрожать, заявив, что если он выпустит хоть одного русского из крепости, то его самого казнят. Поняв коварство японцев, Головнин со своими спутниками бросились к выходу из крепости. Около шлюпки завязалась борьба русских с японцами. Но силы были неравны: Головнина и его людей схватили и увели в крепость. Здесь их скрутили верёвками и поместили в сарай.

Лейтенант Рикорд, оставшийся на «Диане» за командира, следил за тем, что происходило на берегу, но оказать помощь своему начальнику не мог. Небольшие глубины препятствовали «Диане» подойти к берегу.

Японцы начали обстрел шлюпа из крепостных орудий. Рикорд распорядился отвечать. Но что мог он сделать с горсткой матросов против крепости? После нескольких десятков выстрелов Рикорд приказал прекратить огонь. Пока шла перестрелка, японцы повели пленников в глубь острова. Начался длительный японский плен.

С острова Кунашир японцы отправили Головнина и его товарищей на остров Матсмай (Хоккайдо) в город Хакодате. Это был долгий и тяжёлый путь. Японцы, опасаясь побега, вели моряков связанными друг с другом, под сильной охраной. Кормили их похлёбкой из редьки, дикого лука или черемши с маленьким куском жира или рыбы. Вместо хлеба давали рис, вместо соли — кусок соленой редьки; курить позволяли только из рук конвойных.

Наконец 8(20) августа измученные пленники увидели город Хакодате. Здесь их заключили в тюрьму. Головнина заперли в отдельную каморку, но вскоре японцы разрешили остальным пленникам по очереди находиться при нём.

Чтобы не потерять счёт времени и как-то отмечать события, Головнин, с момента прибытия в Хакодате, завёл своеобразный «журнал» из ниток, завязывая каждый день новый узелок. Определённым событиям соответствовал определённый цвет ниток из манжет, нашейного платка или из подкладки мундира, вплетавшихся в узелок «календаря».

Однажды в тюрьму были доставлены сундук и чемоданы с вещами пленников. Увидев их, В. М. Головнин с ужасом подумал, что «Диана» погибла, но оказалось, вещи оставил Рикорд на берегу острова Кунашир для передачи им. И хотя японцы ничего не разрешили взять из вещей, всё же один вид придал пленникам уверенность в благополучном исходе: если Рикорд жив, он добьётся их освобождения. В конце сентября 1811 г.

русских моряков перевели в главный город острова Матсмая, где опять поместили в тюрьму. Здесь обращение было несколько лучше: им выдали даже часть их вещей. На одном из допросов Головнину вручили письмо Рикорда, который спрашивал у своего командира, что делать для его спасения. В. М. Головнин просил японцев сообщить Рикорду, чтобы он шёл в Охотск и донёс обо всём случившемся русскому правительству.

Весной 1812 г. узников перевели из тюрьмы в дом, стоявший у ворот тюремной крепости. Дом был разделён пополам решёткой: в одной половине жили русские, во второй — охрана. Пленникам разрешили прогуливаться за пределами крепости и даже отлучаться в город. От переводчика Головнин узнал, что Япония враждебно настроена к России. Отпала последняя надежда на скорое освобождение из плена. И Головнин решил бежать. Его товарищи восторженно приняли это решение. Началась подготовка к побегу. Пленники запасались провизией, выкраивая её из своего и без того скудного пайка. Матросы припасли огниво, заржавленное долото для устройства копыя и заступ. Штурман Хлебников смастерил из двух иглок и тонкой меди компас.

Побег был совершён в ночь на 24 апреля (6 мая) 1812 года. Пленники подкопали стену и выбрались из крепости. Но Головнину не повезло: выползая из подкопа, он сильно ушиб колено и теперь с трудом шёл. Беглецы направились через пустынные горы на западный берег острова. Там они надеялись захватить рыбацью лодку и на ней перебраться к русским берегам. Шли моряки по ночам, днём скрываясь в лесах. Путь был очень тяжёлый. Питаться приходилось травами, так как крохотные запасы провизии они берегли для морского перехода. Наконец, измученные и истощённые беглецы добрались до берега моря. Они нашли подходящую лодку, но спустить её на воду у них не хватило силы. В тот момент, когда отважные моряки, укрывшись в кустарнике, обсуждали планы спасения, их заметили японцы. Сначала был схвачен штурман Хлебников с тремя матросами, а затем и остальные. Беглецов возвратили в тюрьму в город Матсмай, где они провели ещё целую зиму 1812—1813 годов.

Пребывание в тюремных условиях было очень мучительно и порой доводило пленников до отчаяния. К концу плена штурман Хлебников заболел нервным расстройством, которое у него прошло только по возвращении на родину. В. М. Головнин мужественно разделял со своими товарищами все невзгоды плена.

Тем временем лейтенант Рикорд принимал все меры к освобождению пленников. Летом 1812 г. он подходил на «Диане», в сопровождении брига «Зотик», к острову Кунашир, но японцы отказались вступить в переговоры с ним, требуя полномочий от высших русских властей. В результате Рикорд вынужден был вернуться в Охотск. Только в следующем году, получив с громадными трудностями полномочия на переговоры с японцами, он смог отправиться на **выручку** своего командира и его спутников.

После поражения Наполеона Япония изменила отношение к России. Поэтому на сей раз японцы не препятствовали Рикорду. 7(19) октября 1813 г. Головнин и бывшие с ним офицеры и матросы были освобождены: пленники вернулись на «Диану». Через три дня шлюп вышел из Хакодате на Камчатку снова под командованием В. М. Головнина.

Из Петропавловска Головнин направился в Петербург сухим путём, куда прибыл 22 июля (3 августа) 1814 г., пробив в путешествии ровно семь лет.

Плавание на «Диане» богато не только замечательными приключениями, но и весьма ценными научными работами. Помимо подробного описания всех стран, посещённых «Дианой», описания всех явлений, наблюдавшихся в ходе плавания, наконец, кроме основательной (считающейся классической) описи Курильских островов, Головнин собрал большой и ценный этнографический материал. Но одной из наиболее замечательных работ славного моряка является его описание Японии — загадочной страны, границы которой были закрыты для иностранцев.

Хотя В. М. Головнин жил в Японии на положении узника, это не помешало ему составить образную картину природы Японии и быта японского народа. Описания Головнина содержат: географическое положение, климат и пространство Японии; происхождение японского народа; народное хозяйство, просвещение и язык; вероисповедание, обряды богослужения; государственное правление; законы и обычаи; сельское хозяйство и торговлю; народонаселение и военные силы; колониальные владения Японии. Эти записки были переведены почти на все европейские языки.

Плавание на шлюпе «Камчатка» в 1817—1819 годах

В феврале 1817 г. капитан 2-го ранга В. М. Головнин был назначен командиром шлюпа «Камчатка». Шлюп находился ещё в постройке и предназначался для плавания в Тихом океане.

Водоизмещение шлюпа «Камчатка» (900 тонн) в три раза превышало водоизмещение «Дианы». Цель плавания определялась следующими тремя основными пунктами инструкции: «1) доставить в Камчатку разные морские и военные снаряды и другие нужные для сей области и Охотского порта припасы и вещи, которые, по отдалённости сих мест, невозможно или крайне трудно перевезти туда сухим путём; 2) обозреть колонии Российско-Американской компании и исследовать поступки её служителей в отношении к природным жителям областей, ею занимаемых, и, наконец, 3) определить географическое положение тех островов и мест Российских владений, кои не были доселе определены астрономическими способами, а также посредством малых судов осмотреть и описать северо-западный берег Америки от широты 60° до широты 63°, к которому, по причине мелководья, капитан Кук не мог приблизиться».

Флотская молодёжь стремилась попасть на шлюп «Камчатка», почитая за счастье служить под командованием В. М. Головнина. Сам Головнин, понимая, что «дальний вояж» — лучшая школа для моряков, а воспитание молодых моряков он считал своей обязанностью, которую ставил наряду с официальными задачами плавания, — стремился подбирать в состав экспедиции молодых людей, любящих море и морские науки. В числе мичманов, гардемарин и штурманских учеников «Камчатки» были Ф. Литке, Ф. Врангель и Ф. Матюшкин, впоследствии известные русские моряки. Спустя много лет они не раз с благодарностью вспоминали плавание на «Камчатке» под начальством требовательного и многоопытного В. М. Головнина. Это плавание явилось для них прекрасной школой и определило направление их дальнейшей деятельности.

26 августа (7 сентября) 1817 г. «Камчатка» покинула Кронштадт, направившись с востока на запад вокруг Южной Америки через Атлантический и Тихий океаны на Камчатку.

После разгрома Наполеона Россия стала одним из могущественных государств. В иностранных портах «Камчатку» и её прославленного командира встречали с уважением. В. М. Головнин, оберегая достоинство своей великой родины и честь русского флага, требовал в иностранных портах почестей, установленных международными правилами.

Страны, которые посещал русский шлюп, были в то время сравнительно известны, тем не менее Головнин в своих трудах даёт о них достаточно подробные сведения, уделяя особое внимание жизни народов. В предисловии к описанию плавания на «Камчатке» Головнин пишет, что «всякое путешествие может сообщить читателям много нового и занимательного и, вероятно, доставит им при этом какие-нибудь полезные сведения», так как «природа, хотя и редко, в некотором отношении изменяется, а в обществах же людей перемены случаются беспрерывно, и в продолжение многих лет случай и обстоятельство народу дают совершенно иной вид».

5 (17) ноября 1817 г. «Камчатка» прибыла в порт Рио-де-Жанейро, где простояла семнадцать суток. Новый, 1818 г. русские моряки встретили у мыса Горн, а в начале февраля бросили якорь в порту Каллао (Кальяо), перуанской колонии Испании.

Исправив такелаж, пополнив запасы провизии и пресной воды, «Камчатка» продолжала плавание через Тихий океан, мимо острова Вашингтона к Петропавловску-на-Камчатке. 19(31) марта шлюп пересёк экватор, пробыв в южном полушарии почти пять месяцев. 29 апреля (11 мая) 1818 г. открылись берега Камчатки, а 3(15) мая «Камчатка» отдала якорь в Петропавловской гавани. Плавание из Кронштадта до Петропавловска заняло 8 месяцев и 8 дней, из которых только 34 дня шлюп находился в портах.

В Петропавловске находился старый друг Головнина, П. И. Рикорд, занимавший должность начальника области.

В. М. Головнин был обрадован теми переменами, которые произошли в Петропавловске со времени последнего его посещения. Рикорд, которого В. М. Головнин характеризовал как одного из самых справедливых людей, учредил больницу и ремесленную школу, разработал план строительства Петропавловска, наблюдал за порядками и чистотой города. По его распоряжению была увеличена выдача пороха и свинца охотникам; в случае неудачного лова рыбы промышленники не голодали, как раньше, а получали продовольствие из казённых складов.

Выгрузив предназначенные для Петропавловска и Охотска материалы, 19 июня (1 июля) 1818 г. «Камчатка» направилась в Русскую Америку. Головнин имел задание по пути проверить положение Командорских и Алеутских островов. Курс «Камчатки» пролегал по неисследованным местам, вблизи скалистых берегов. Отсутствие сведений о глубинах и течениях, непрерывные туманы осложняли плавание вдоль Алеутской гряды. Но русские моряки с честью выполняли трудное задание, добросовестно ведя опись островов, определяя их координаты.

В начале июля «Камчатка» достигла Чиниатского залива и встала на якорь в Павловской гавани. Здесь находились русский монастырь и селение Российско-Американской компании. За несколько дней В. М. Головнин ознакомился с хозяйством колонии. Природа острова Кадьяк и окружающих островов благоприятствовала промыслу зверя, птицы и рыбы. Богатые пастбища способствовали развитию скотоводства, но хлеб и овощи родились плохо,— по мнению Головнина, вследствие слишком сырого климата. Промеры Чиниатского залива и Павловской гавани, сделанные командой «Камчатки», показали, что карта, составленная штурманом Васильевым в 1807 г., достаточно точна.

От острова Кадьяк «Камчатка» пошла к Ново-Архангельску — «столице» Русской Америки, знакомой Головнину по плаванию на «Диане». Там В. М. Головнину предстояло произвести ревизию дел Российско-Американской компании. 28 июля (9 августа) «Камчатка» прибыла на остров Ситху, в Ново-Архангельск.

Пока с «Камчатки» выгружали на берег доставленные материалы, а офицеры производили проверку хронометров, проверяли карту Ситхинского залива, командир шлюпа занимался делами колонии.

Ещё в первое своё посещение Ново-Архангельска В. М. Головнин обратил внимание на злоупотребления правителей Российско-Американской компании, но тогда он не имел официальных прав вмешательства в её дела. Давая критический обзор деятельности компании, Головнин считал ошибкой предоставление компании широкой монополии, вследствие чего большая доля прибылей попадала в руки «компанейцев», не принося пользы государству. Компания в погоне за прибылями эксплуатировала местное население и русских промышленников, мало заботясь о них. Впоследствии русское правительство приняло по докладным

запискам Головнина некоторые меры, имевшие оздоравливающее действие на дела Российско-Американской компании.

Из Ново-Архангельска «Камчатка» направилась вдоль западных берегов Америки к русской колонии — крепости Росс. Эта крепость находилась на $38^{\circ}33'$ с. ш. в Калифорнии, в 80 милях к северу от залива Сан-Франциско. Свежая погода не дала возможности Головнину встать на якорь на рейде крепости — южном форпосте русских владений на американском материке.

Гарнизон крепости Росс состоял тогда из 26 русских и 102 алеутов, возглавляемых управляющим колонией Иваном Кусковым. Колония была основана в 1812 г. с согласия местных индейцев, которые благожелательно относились к русским и не раз просили у них защиты от испанцев. Основным занятием колонистов являлся промысел бобра и хлебопашество. За несколько лет русские колонисты сделали во много раз больше для освоения и изучения Калифорнии, нежели испанцы, жившие в заливе Сан-Франциско.

«Фермы» Росса были разбросаны по всему берегу, вплоть до Ферлонских камней (почти у парка Золотых Ворот современного Сан-Франциско). Успехи русских колонистов вызывали враждебность испанцев, требовавших передачи им колонии Росс, хотя сами испанские монахи и чиновники, управлявшие «миссиями», ничего не делали для овладения естественными богатствами Калифорнии.

На фоне растущего благосостояния русских колоний убогой и жалкой показалась Головнину испанская миссия Сан-Франциско, располагавшаяся на берегу одной из красивейших гаваней мира. «Здесь бы надлежало быть главному областному городу...» — писал Головнин, наблюдая «порядки» испанской колонии, предоставленной на произвол губернатора и миссионеров. Благосостояние колонии основывалось на рабском труде индейцев, которых испанцы арканами ловили в лесах и под видом обращения в христианство заставляли на себя работать. Естественно, что индейцы враждебно относились к испанцам.

Говоря об индейцах, коренном в те времена населении Калифорнии, В. М. Головнин не соглашался с Ванкувером и Лаперузом, утверждавшими, что «индейский народ отличается слабоумием и лишён изобретательности вследствие изобилия природных богатств, которые обеспечивали существование». Примитивные жилища и утварь индейцев Головнин объяснял условиями их кочевой жизни. Он обращал внимание на художественные вещи, которые делали индейцы, головные уборы из перьев, искусно сплетённые из трав водонепроницаемые корзинки и т. п. Русский моряк ссылался на то, что индейцы, работая в колониях, показали себя способными к различному ремеслу, художеству, музыке.

28 сентября (10 октября) 1818 г. «Камчатка» оставила берега Русской Америки и, продолжая кругосветное плавание, взяла курс на Сандвичевы (Гавайские) острова.

После осмотра острова Овайги (Гавайи) Головнин зашёл в гавань Гонолулу на острове Воагу (Оаху), обменявшись при входе в гавань салютами с крепостью и судами, стоящими на рейде.

На берегу В. М. Головнин был встречен начальником острова и начальником морских сил короля гавайского, которые показали ему «примерное сражение войска». Вместо копий и стрел воины во избежание жертв были вооружены сахарным тростником. Затем Головнин осматривал дома жителей, места богослужения, хлебные поля, но в крепость его не пустили.

Описанию Сандвичевых островов, быта и нравов гавайцев Головнин посвятил много страниц своих замечательных записок, характеризующих автора как умного, наблюдательного, гуманного человека и талантливого литератора. Именно это и дало право Кюхельбекеру впоследствии назвать Головнина «преобразователем Сандвичевых островов».

В конце октября «Камчатка» оставила Сандвичевы острова и направилась к Филиппинским островам. На пути она имела непродолжительную стоянку в заливе Умату на острове Гуахана (Гуам), входящем в группу Марианских (или Ладронских) островов. Там были пополнены запасы свежей провизии. Утром 13 (25) октября 1818 г. шлюп отдал якорь в Манильской бухте на Филиппинских островах.

В своих описаниях В. М. Головнин подробно останавливается на природных богатствах Филиппинских островов, принадлежавших тогда Испании. Учитывая сравнительную их близость к восточным берегам России, Головнин считал, что природные богатства Филиппин могли быть использованы для снабжения Восточной Сибири, нуждающейся в сельскохозяйственных продуктах.

17(29) января 1819 г. «Камчатка» покинула Филиппины и, благополучно миновав Китайское море, через Зондский пролив вышла в Индийский океан.

Благоприятное время года способствовало успешному плаванью Индийским океаном. Только в районе мыса Доброй Надежды наблюдалась штормовая погода. Обогнув южную оконечность Африки, «Камчатка» направилась к острову св. Елены, где в то время находился Наполеон. Головнин в своих записках дал ряд подробностей о поведении Наполеона в заточении.

Так как на острове св. Елены нельзя было закупить продовольствие, в котором нуждались русские моряки, то Головнин пошёл к острову Вознесения. Но на этом пустынном острове, кроме черепов, ничего не было.

9(21) июня «Камчатка» достигла Азорских островов. В гавани острова Фаяла шлюп простоял 17 суток, пока закупалось продовольствие. Это дало возможность русским морякам подробно ознакомиться с прекрасной природой острова.

После кратковременной стоянки в Портсмуте и Копенгагене, 5 (17) сентября 1819 г. «Камчатка» пришла в Кронштадт, закончив «кругосветный вояж» за два года и десять дней. Заканчивая описание этого плавания, В. М. Головнин пишет:

«В продолжение всего путешествия потеряли мы из 130 человек только троих, и то двое из них сделались жертвою собственной своей безрассудности... случайно же мы не лишились ни одного человека, и также не было ни одного, который бы сделался неспособным к службе; равным образом не потеряли ни одного каната, ни якоря, ни мачты, ни стеньги и никогда не изорвало у нас никакого значащего паруса».

Так закончилось второе и последнее кругосветное путешествие В. М. Головнина. В жизни замечательного русского мореплавателя-патриота начался новый этап, в котором с неменьшей силой проявился его выдающийся талант.

Всю свою жизнь, все силы и знания отдал Головнин любимой родине, родному флоту. Благодарные потомки, русские моряки и исследователи, увековечили имя Головнина на карте мира. Именем Василия Михайловича Головнина назван залив на американском берегу Берингова пролива, мыс в Северной Америке, пролив между двух островов Курильской гряды, гора на северном острове Новой Земли.

Советские люди, достойные наследники славы своих предков, свято чтут память о своём талантливом соотечественнике — мореплавателе, воине, исследователе и литераторе Василии Михайловиче Головнине.

ПЛАН ЛЕКЦИИ

	Стр.
Плавание на шлюпе «Диана» в 1807—1809 гг.	8
Плавание на шлюпе «Диана» в 1811 году и японский плен	14
Плавание на шлюпе «Камчатка» в 1817—1819 гг.	18

★ К ЧИТАТЕЛЯМ ★

Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний просит присылать отзывы об этой брошюре по адресу Москва, Китайский проезд, 3, Редакционно-издательскому отделу Общества.

Редактор — Н. Я. БОЛОТНИКОВ.

Редактор Редакционно-издательского отдела Общества — А. Г. ЖУКОВ.

А 03778. Подписано к печати 18/V 1950 г. Тираж — 75 000 экз.

Объем 1½ печ. л. Заказ № 1146.

Типография газеты «Правда» имени Сталина Москва, улица «Правды» 24.

Цена 60 коп.